

ИНТЕРВЬЮ ТАТЬЯНЫ ЩИТЦОВОЙ С ВЛАДИМИРОМ МАЦКЕВИЧЕМ

INTERVIEW BY TATIANA SHCHYTTSOVA
WITH VLADIMIR MATSKEVICH

<https://doi.org/10.61095/815-0047-2025-2-114-125>

© Vladimir Matskevich
Independent Belarusian philosopher
E-mail: jozeff.kneht2025@gmail.com

© Tatiana Shchytsova
Dr. habil., Professor at European Humanities University,
Academic Department of Social Sciences
Savičiaus g. 17, Vilnius, LT-01127 Lithuania
E-mail: tatiana.shchytsova@ehu.lt
<https://orcid.org/0000-0003-0014-3856>

Abstract. Interview by Tatiana Shchytsova, Editor-in-Chief of the journal *Topos*, with Belarusian philosopher, active public and political figure Vladimir Matskevich. Matskevich was recognized as a political prisoner and spent more than four years behind the bars. He was among 52 political prisoners who were released on September 11, 2025, as a result of negotiations between a representative of the US president and the Belarusian authorities. In the interview, Matskevich talks about his experience of opposing the Lukashenko's regime and shares his views on the role and place of philosophy in society and the specifics of prison as a totalitarian institution.

Татьяна Щитцова: Уважаемый Владимир, спасибо, что согласились дать интервью нашему журналу. Многое хотелось бы обсудить, особенно учитывая то обстоятельство, что четыре года у Вас не было возможности для публичного высказывания. Позвольте начать с вопросов, касающихся Вашего заключения.

Как Вы знаете, в сентябре прошлого года в Вильнюсском университете состоялась международная конференция «Рациональность в заключении и философия в тюрьме», которая была организована

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-Noncommercial-No Derivative Works 4.0 International License

TOPOS №2 (55), 2025 | 114
ISSN 2538-886X (online)

в знак солидарности с Вами. На конференции обсуждались исторические примеры преследования философов в разные эпохи и в разных обществах. Примеров множество: от Сократа до идейных противников коммунистических режимов. Все они указывают на то, что определённые типы власти видят для себя угрозу в фигуре философа — в его образе мышления, публичных выступлениях. При этом каждый такой пример отличается собственной исторической спецификой: разные социально-политические контексты, разные биографии и «приговоры», разный символизм и общественный резонанс. Как бы Вы определили связь между Вашим заключением и Вашей философской идентичностью?

Владимир Мацкевич: Мне бы хотелось, чтобы такой связи не было. Раз уж так случилось, пусть это будут не связанные, независимые ряды событий и состояний, как ортогональные плоскости. У этих событий своя предыстория, актуальный генезис. Оказавшись в тюрьме, я попытался восстановить цепь событий, или путь, который привёл меня в тюрьму. Последний этап этого пути может выглядеть типичным для тысяч политзаключённых в Беларуси, он начинается с участия в протестах 2020 года. В мае 2021-го меня предупредили о том, что принято постановление о моём аресте. Оно касается ещё четырёх политических аналитиков и commentators. Остальные четверо уехали. Думаю, что именно на это и была рассчитана утечка информации. Мне написал Павел Латушко, уже находившийся в Варшаве. Но я не мог уехать как раз по причине своей комплексной идентичности, я не только аналитик и commentator, даже не столько. И не только философ. Я активно участвовал в политическом процессе, пытался придать политическим структурам иное направление, поставить более рациональные и прагматичные цели. Мои усилия в августе–сентябре 2020 года оказались неэффективными, и с весны 2021 года я предпринял новую попытку, мне казалось, что она имеет шансы на успех, и я не мог её просто бросить. Кроме того, я в 90-е годы критиковал Зенона Позняка за его бегство в эмиграцию, потом — Андрея Санникова, поэтому не имел морального права поступить таким образом, который сам осуждал для других. Меня задержали по тому майскому постановлению, но оставили под арестом уже по другому — по 342-й статье за участие в уличном шествии. Потом добавили ещё две статьи за создание и руководство экстремистским сообществом (платформа «Сход») и за оскорбление президента. Но мой путь (Путь — Дао:) начался задолго до этого последнего этапа. Со студенческих лет я был на учёте в КГД. Не был активным диссидентом, но всегда где-то

рядом. Порой достаточно было сделать несколько шагов в сторону со своего пути, и я мог оказаться в тюрьме. Трижды — в 1997, 2001, 2016 годах — меня задерживали и судили по административным статьям. Но путь в тюрьму политического активиста в условиях диктатуры не требует особого анализа и интерпретации. Всё становится сложнее, если разбираться с комплексной идентичностью и параллельными путями, приводящими к тому же результату, с путём методолога и философа. Первоначально именно методологическая позиция привела меня к участию в политических процессах, это совпало с периодом Перестройки и обретения суверенитета Латвией, где я тогда жил, и Беларусью тоже. Мне казалось, что спонтанный процесс требует рефлексии и корректировки. Так я стал плотно заниматься теорией и практикой культурных, социальных и политических трансформаций, принимая в этих процессах активное участие. Разработал программу «Культурной политики», включающую методологическую часть и практические положения. По мере укрепления авторитаризма и диктатуры в Беларуси сфера практического участия сужалась, и моя активность смешалась в область теории и философии, рефлексии и концептуализации. Поэтому в тюрьму я попал с философской идентичностью, остальные ипостаси оставались на втором плане.

Философ в тюрьме — это старинный архетип. Почему-то первый образ, который всплывал в моих размышлениях о том, как и почему я пришёл к такому результату на своём пути, был Северин Боэций с его «Утешением Философией». Возможно, потому, что я полгода не знал, чем это закончится, каков будет приговор. Разброс мог быть от двух-трёх лет до 15 или больше, а это в моём возрасте был бы «билет в один конец». Ну и потому, что Боэций тоже имел двойную идентичность — и политик, и мыслитель. Последний римлянин и первый человек Средневековья. А ощущение наступающего «средневековья» в отдельно взятой стране было почти навязчивым.

Одним из первых ощущений моих в тюрьме стало открытие: Я свободен. Я свободен от суэты и бесперспективной активности, которой занимался в последний год, хоть и понимал, что после двух первых недель после 9 августа, когда победа была возможной, страна и общество попали в цугцванг, когда любая активность только усугубляла ситуацию, вела к худшему. Накануне 2020 года, события которого я прогнозировал и готовился к ним, я писал о факторах и обстоятельствах, которые необходимы для того, чтобы развернуть процессы в позитивном направлении. Но всё разворачивалось не так, как прогнозировалось. У меня появилось время для рефлексии и работы над ошибками. Чем я и занялся с первых дней в тюрьме. А потом стал работать над пробелами и пустотами

в своей методологии и философии, до чего у меня не доходили руки, пока я жил и действовал активно. Теперь у меня появилось время, а временами и вдохновение работать над тем, до чего не добрался бы в повседневном потоке жизни и деятельности.

Тюрьма не место для философа, но и для любого человека это не место. Но философ и в тюрьме может оставаться философом. Как и человек может оставаться человеком в любых условиях. Увы, не всем это удается. А многие даже не пытаются.

Т. Щ.: Вы намеренно оставались в Беларуси, несмотря на ясно осознаваемую угрозу ареста. То есть в определённой степени Вы были готовы к нему. Ваши интервью после освобождения из заключения дают основания полагать, что Вы не сожалеете о том, что пришлось «отсидеть срок». В чём для Вас заключается важность (ценность) этого опыта?

В. М.: Был ли я готов к аресту и заключению? Можно готовиться к тому, что знакомо по прошлому опыту, и сложно готовиться к тому, чего не знаешь и не понимаешь. У меня был опыт арестов, меня несколько раз арестовывали. Первый раз — в 16 лет. Но опыта заключения в тюрьме у меня не было, и я очень смутно представлял это себе. По книгам в основном. Другой аспект готовности — это ситуация 2020–21 годов, когда в стране шли массовые аресты, никто от этого не был застрахован, людей хватали на улицах даже без повода. В ИВС оказывалось много совершенно случайных прохожих. Ну и я три месяца, с мая по август 2021, жил, зная, что существует постановление о моём задержании. Я не готовился к этому, жил и действовал так, как прежде, как должен был жить и действовать. После 10 дней в ИВС меня поместили в СИЗО, стало понятно, что это не временное задержание, а это надолго. И я испытал странное чувство облегчения. Пришло парадоксальное осознание — я свободен. Уже больше года я жил с противоречивыми ощущениями долженствования и бессилия. Считал себя обязанным что-то делать, видя наступление террора и тьмы в стране, но понимая, что не в моих силах это остановить или изменить. Это как цугцванг в шахматах, любой ход ведёт только к ухудшению положения дел. Нет хороших действий, нет ресурсов и сил для этих действий. И вот я в тюрьме, теперь от меня ничего не зависит, и я не должен суетиться, совершать бессмысленные, ни к чему не ведущие поступки. Я уже слышал много версий причин, даже целей, которые привели меня в тюрьму, они все неверные, но собственной версии у меня нет. Я не садился в тюрьму, меня посадили. Не всё в жизни мы решаем сами, внешний мир

существует — и существует по законам и принципам, из которых нам дано знать только маленькую часть. Я отвечаю только за собственные поступки и действия в заданных мне обстоятельствах.

Сожалею ли я об этих четырёх годах в заключении? И да, и нет. Я по максимуму воспользовался этой парадоксальной «свободой», привёл в порядок собственное мировоззрение, доделал многое в своей методологии и философии, до чего не доходили руки в потоке деятельности и жизни на воле, проделал работу над ошибками, своими собственными и нашими общими в 2020 году, а также в периоды до и после. Но не могу не сожалеть о том, что все мои записи — пять десятков тетрадей — изъяли, и я не знаю, что с ними сделали.

Не могу назвать тюремный опыт ценностью. Ценным может быть выключение из суеты и запрограммированности действий, но лучше выключаться каким-то другим способом.

А вот важным и существенным я считаю рефлексивный вывод из этого опыта. Я пришёл к убеждению, что на данном уровне развития цивилизации (в её европейском сегменте) мы можем и должны отказаться от института тюрьмы и изоляции людей от нормального общества. В тюрьме складывается особое человеческое сообщество, со своими нормами и традициями. Это редуцированная нормативность, восстановление архаичных форм человеческих взаимоотношений, которые описаны в литературе и отчасти изучены этнографами, этологами, социологами. Это и сообщества на ранних этапах становления культуры, и подростковые группы, преступные сообщества. И в таких сообществах много сходства с групповой динамикой «социальных» животных с жёсткой иерархией, подчинением, произволом силы и агрессивности.

Моим личным открытием стало сходство коммунистических норм и норм, культурируемых в сообществах заключённых, что далеко не сразу можно заметить, оно проявляется в динамике и становлении человеческих отношений. На ранних стадиях это может выглядеть очень привлекательно, но затем превращается в своё отрицание. Например, ригористическое установление справедливости в отношениях и распределении скучных ресурсов в начале знакомства и складывания группы (что всеми приветствуется) затем используется для тотального контроля поведения каждого и полного подавления самостоятельности каждого члена группы (от чего никто не свободен). Контроль основан на многочисленных и мелочных ритуалах, нарушение которых не прощается никому, независимо от места в иерархии. Тотальность криминальных норм кажется естественным и незыблёмым положением дел. Мне приходилось наблюдать, как эта тотальность ломается

в столкновении с самоопределённой личностью, индивидуальностью. Это вселяет надежду и социальный оптимизм. С тоталитаризмом можно бороться, можно и побеждать. Об этом я ещё напишу, может быть — не сразу, потом. А сначала мне хотелось бы инициировать кампанию за отказ от института тюрьмы. Хотя бы предложить эту идею на широкое обсуждение.

Т. Щ.: Пока Вы находились в заключении, были опубликованы три Ваши книги: «Отвечая за себя. Записки философа с вредным характером» (2021), «Свобода и Мысление. Эссе о гражданском обществе» (2022) и «Введение в философию» (2023). В последней есть следующее высказывание: «Философ — это тот, кто говорит и рассуждает из своего времени, когда все предшествующие философствования уже недействительны». Это утверждение, если я верно понимаю, закладывает основание для ответа на вопрос: «Как философия может стать практической?»

В. М.: Мне казалось, что то, что философия не наука, известно всем философам, и об этом должны рассказывать на первом курсе всем, кому читают лекции по философии. Философы не делают открытых, таких, как наука.

Открытые наукой истины действительны в контролируемых условиях и обстоятельствах всегда, они не временны. Изобретения философии, наоборот, справедливы только тогда, когда своевременны, и тоже в конкретных условиях и обстоятельствах. Научные открытия тоже устаревают, когда открываются новые обстоятельства, но не отменяются, не вычёркиваются.

Мысль учёного и мысль философа по-разному организованы и направлены. Философская — лучше во множественном числе — философские картины мира принципиально отличаются от научной картины мира. И философствование в рамках научной картины мира возможно, но только как анализ научного мышления и научная методология. Философская рефлексия научной картины мира способствует её проблематизации и развивает её. Но она в целом, в основе своей остаётся неизменной, в ней мир есть причина самого себя, и мир не зависит от того, что мы о нём знаем. Для науки мир таков, каким он есть, и подлежит познанию.

Для любой философской картины мира это не справедливо — мир таков, как о нём мыслят и думают философы. Значит, знание о мире является причиной всего, что в мире происходит. Для философии мир непредсказуем, он ставит нам проблемы,зывающие к разрешению. Решение меняет мир, знание является причиной изменения мира.

С конца XVIII века распространилось и утвердилось представление о том, что наука меняет мир. Это не совсем так, поскольку в ту же эпоху сложилось разделение труда в эпистемической сфере на чистую науку и инженерию (в данном рассуждении можно оставить в стороне разделение на чистую науку и прикладную). Инженер должен знать, чтобы делать. В философии разделение труда не осознаётся и не рефлектируется. Не существует «философской инженерии», эту функцию выполняет социальная и политическая практика. А в эту практику вовлечены практически все живущие представители человечества, то есть каждый человек. Это не «бабочка Брэдбери». Мир меняется действиями и поступками каждого человека, различия только в масштабах производимых изменений. Но каждый поступает и действует в соответствии с тем, что знает и понимает в своей локальности, освоенной им части мира. И знать, и понимать человек может очень мало, а порой и иметь ложное знание и искажённое понимание.

С плохим инженером, не знающим научных открытий и теорий, то же самое. Он делает ошибки, нарушает объективные законы. Это ведёт к тому, что механизмы ломаются, взрываются, изобретатели погибают. Непродуманные технологии отравляют и портят природу и окружающую среду.

В мире людей то же самое. Но гораздо хуже. Здесь каждый человек «гуманитарный инженер», или технолог. И у каждого своё мировоззрение, своя картина мира. Частичная, плохо простроенная, с ошибками, далёкая как от философских картин мира, так и от конгруэнтности с миром, в котором люди живут и действуют.

Отсюда деятельностный и поведенческий цугцванг, то есть, по аналогии с шахматами — состояние дел, когда каждое действие, каждый поступок, каждое высказывание ведут к ухудшению положения.

Философ тоже человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Но призвание философа — мышление. Всегда и в любой ситуации — мыслить. О чём?

Я не могу давать советы, о чём думать кому-то, будь то философ, учёный или обычатель. Я могу отвечать только за себя. Думать о себе и о том, о чём я думаю. Я — это я и мои обстоятельства здесь и сейчас. Почему МОИ? Здесь — это где (дом, улица, город, страна, планета)? Сейчас — это когда (день недели, сезон года, 2020 год, XXI век, эпоха постмодерна)? И при чём тут я.

Это всего лишь частичная схема моего философского самоопределения.

Я знаю и другие подходы к самоопределению у тех, кто зовётся философами. Иногда разговариваю с ними, слышу, что они заняты

темами античности, метафизикой, «вечными» вопросами. А сам понимаю, что они ни-где и ни-когда, и их просто няма. Радуюсь тем из них, кто это так же понимает о себе, и мне неинтересны те, кто не рефлектирует этого про себя.

Т. Щ.: Во многих своих работах Вы стремитесь дать конкретный — привязанный к «месту и времени» — ответ на вопрос о практической действенности философии. Вы бы согласились с утверждением, что события 2020 года привели к особой востребованности философии в нашем «жизненном мире»? Как Вы понимаете связь между нашим временем и философией?

В. М.: Да, привязанный к месту и времени ответ. Но что такое дата 2020? Она символична для места, для Беларуси, для Минска, для *Lebenswelt* беларусского философа. А для времени? Событие, цепь событий, состояние беларусского общества в 2020 году символично закреплены, но их невозможно понять, ограничившись одним годом, тем более — несколькими днями и месяцами этого года. Без анализа генезиса в его масштабированной перспективе ничего понять нельзя. Когда всё началось, что проявилось в 2020? Обозначив начало 2015 годом, или 2010, или даже 1994, мы зафиксируем начало процесса, эволюции, генезиса. И этот масштаб задаёт структуру анализа: онтогенез, актуалгенез всего случившегося в 2020. Но и этого мало. В самом 2020 году это выглядело совсем не так, как видится сейчас, в 2025. Уже в исторической перспективе. Пока ещё короткой. А если настроим своё воображение и посмотрим на это в перспективе 2050 года?

Неужели философия стала востребованной только в 2020? Это значит, слишком поздно. И мы имеем результат этого опоздания.

Ну, предположим, мы в 2025 году это поняли. Знаем — философия востребована. Какая? Достаточно ли экспекций и заказа (социального, политического или иным образом называемого) на философию 2025 года, чтобы делать философскую работу? А работа над ошибками 2020 — это философская работа, в первую очередь.

Философская работа такого типа должна начинаться с исторического самоопределения философа. С выставления рамок СВОЕГО времени (свое-временности), или со-временности. И работа в масштабе до 2050 года будет принципиально отличаться от той, что в масштабе только 2020.

Причины того, что получилось в 2020, нужно искать в конце 80-х прошлого столетия, а телеология событий и процессов восстановима только по целям 2050 (условной даты середины нашего столетия).

Поэтому мой ответ — нет. Философия востребована всегда. И только хорошо настроенный ум может чувствовать эту востребованность, вызов места и времени. («Пепел Клааса стучит в моё сердце», если оно есть.) Сердце философа задаёт ритм и тональность его ума.

Т. Щ.: Я хотела бы пояснить свой вопрос. Говоря об «особой востребованности», я не имела в виду, что ранее философия была меньше востребована (или вообще не востребована). Меня интересуют характер и содержание этой востребованности. В чём заключается «вызов места и времени» для Вас как философа? Какие понятия и задачи очерчивают контур со-временности для Вашей философской работы?

В. М.: Для моей философской работы? Конечно же — для моей. Не могу же я отвечать за всю философию.

Во-первых, потому что философствование — это только часть моей работы. Причём не... скажем так, не самая главная, но самая важная. Поскольку, однажды отрефлектировав место и функцию философии в своей целостной работе (в том, что я делаю, реализуя своё призвание, Beruf), понимаешь, что именно эта часть работы наделяет смыслом всё остальное — и процесс, и результат. Результат — главное, а смысл — важное, через него результат обретает ценность — или утрачивает её. Оценивая свою работу, каждый философствует. И поэтому — во-вторых.

Во-вторых, никто не может ответить на такие вопросы за всю философию, но пытаться отвечать может каждый. Философия не является профессией, не может ею быть. Профессия обязывает. Любая профессия задана нормативно и оценивается по соблюдению и исполнению норм. Философия же — место свободы в пространственной структуре профессии. Философ-преподаватель, философ-эксперт, философ-консультант, писатель, эссеист, критик, идеолог, визионер, пророк и т. п. Вторая часть в этих номинациях задаёт профессиональную нормативность, обязанность, а первая означает присутствие в деятельности чистого разума, степеней свободы.

Потенциально каждый носитель сознания может мыслить, и мысль задаёт связь сознания с тем, что сознанием не является, тем, что называют внешним миром, или просто миром, в котором человек присутствует. Присутствует, устанавливая отношения со-в-МЕСТности и со-ВРЕМЕНности со-ЗНАНИЯ и мира. Или себя-в-мире. Установление этого отношения происходит в на-ВСТРЕЧности. И мы встречаемся с миром в установленном месте, в установленное время. Либо не встречаемся.

Как это возможно? Можно ли оказаться вне мира, опоздать на встречу с миром, прийти не в то место? Это кажется невозможным, немыслимым. Но это следует помыслить и промыслить, чтобы не оказаться не на своём месте, не в своё время. А такое случается. И случается потому, что навстречность предполагает активность с обеих сторон — и с моей стороны, и со стороны внешнего мира. Это внешний мир задаёт условия и обстоятельства места и времени, в котором я себя обнаруживаю. И я могу много знать о других местах (странах, обществах, институтах, деятельности) и других временах (история, память). Но что я знаю здесь-и-сейчас, об этом конкретном месте встречи себя с миром?

Обнаружение и осмысление себя здесь-и-сейчас — это уже философствование, и этим занимается любой и каждый человек, но философ определяется в том, что он мыслит не только и не столько о себе здесь-и-сейчас, а о том, чем является это здесь-и-сейчас, где он себя обнаруживает. Пространственно-временной континуум (хронотоп, как бы ни называлась эта самая конкретность здесь-и-сейчас) произведен от способности суждения и масштабируется экзистенциально (для ребёнка и взрослого) или нормативно — для деятеля, профессионала, эксперта. Кто-то может жить сегодняшним днём, кто-то действует в исторических масштабах.

Философская часть работы любого профессионала заключается в определении масштаба своего действия (мысле-действия) в ПВС (пространственно-временной структуре) своего присутствия и в наполнении его смыслом и содержанием. Ну или, упрощая, можно сказать, что в любой работе необходимо продумывать обстоятельства места, времени и образа действия в каждой конкретной ситуации.

А что мы в 2025 году знаем о нашей ситуации, где нам приходится жить и действовать? Мы умеем действовать в разных ситуациях, в которых бывали своевременны и уместны, знаем, как другие действовали в других исторических ситуациях, и о тех, кто действовал успешно или, наоборот, ошибочно и провально. Но ведь каждая историческая ситуация — новая. И в каждой новой ситуации необходимо всё начинать осмысливать заново.

Исторические ситуации всегда гетерохронны, гетерогенны, гетерономны, гетероморфны... То есть мы живём и действуем в разных масштабах времени, кто-то — от зарплаты до зарплаты, кто-то — в пределах электорального цикла, кто-то — в масштабах экологической угрозы глобального потепления. На кого-то 2020 год свалился, как снег на голову, а кто-то шёл и готовился к этим событиям три десятка лет. Мы оказались в со-в-местности

нашой ситуации, прия в неё из разных других ситуаций: кто-то — оторвавшись от посевной или написания кода для компьютерной программы, кто-то — из страны, охваченной войной, кто-то — из библиотеки в «башне из слоновой кости». Мы все обучены различным нормам поведения и деятельности, одни умеют строить, другие — воевать, третьи — торговать. И т. д.

Ситуация в Беларуси не похожа на ту, что в Украине или в Брюсселе. Но все эти ситуации конгруэнтны относительно глобальной ситуации человечества, впервые в истории (впрочем, в истории всё всегда впервые) столкнувшегося с вызовами политики, культуры, экономики, природы.

Я сейчас — в ответе на ваши вопросы — не называю конкретные вызовы, не формулирую их, поскольку исходная проблема выше каждого из этих вызовов. Она сродни старому схоластическому софизму: может ли всемогущий Бог создать камень, который не сможет поднять? При любом ответе на этот вопрос всемогущество Бога ставится под сомнение.

Может ли человечество справиться с проблемами, которые само себе создало и продолжает создавать?

Или так: может ли человечество решать глобальные проблемы так, чтобы решение не порождало ещё более сложные проблемы?

Это один и тот же вопрос в несколько разных формулировках, и это вопрос о мышлении, о возможностях человеческого мышления. Человеческого — в смысле мышления человечества. Не индивидуального мыслителя, не национального менталитета, не профессионального, научного или философского. Мысления человечества. Другого мы не знаем. Но не знаем и своего, человеческого.

И здесь я должен напомнить своё определение философии: философия — это разговор о том, чего никто не знает.

В этом я и вижу связь философии с местом и временем, в котором оказывается человечество в первой четверти первого века третьего тысячелетия нашей эры.

Такой философии в сформулированном и написанном виде сейчас нет. Но беда не в отсутствии написанного, а в отсутствии самого такого разговора. Такой разговор может начинаться с признания незнания.

Самыми опасными вожатыми современности являются те, кто знает. Они не способны к коммуникации. Знает Путин, знает Трамп, знают Маск и множество блогеров в сетях интернета. Их знание из другого хронотопа, оно очевидно несвоевременно и неуместно. Такое знание ведёт к войне в той или иной форме:

торговой, информационной, консцентальной, холодной, гибридной, не дай Бог — ядерной.

Так какие же понятия очерчивают контур со-временности для моей философской работы?

Это мышление, мыслекоммуникация и мыследействование. И сама философия как понятие, означающее разговор о том, чего здесь-и-сейчас не знает всё человечество. Мы не знаем, как остановить войну и не допускать войн в будущем. Не знаем, что делать с комплексом проблем, в общем виде называемым глобальным потеплением. Не знаем, как обустроить жизнь людей в новом технологическом укладе с передачей многих функций ИИ, ненужностью многих профессий и традиционных занятий, с открывающимися возможностями биотехнологий. И т. д. Необходимо начинать этот разговор. Это ответ на вызов современности и цель.

Если в исторической перспективе через 100–200 лет будут называть имена философов XXI века, то это будут имена тех, кто начнёт такой разговор и сможет сказать то, что организует навстречность разных сообществ глобального человечества друг к другу и доброжелательную встречу человечества с миром.

И какие задачи я могу в этой (исторической) ситуации поставить самому себе?

Понимая вызовы и цели философии, я принимаю их как свои собственные. Мои цели недостижимы, пока не помещены в конкретные условия и обстоятельства их достижения, но, будучи поставленными в конкретные (мои) условия и обстоятельства, они становятся моими задачами, которые подлежат решению.

Оглядываясь здесь-и-сейчас, я узнаю своё место и время, должен стать у-местным и свое-временным. Начинать отвечать на вызов Беларуси, вместе с беларусами, с нацией и гражданским обществом. Думать Беларусь. Думать вместе с теми, кто готов со мной об этом разговаривать. Разговаривать, чтобы договариваться и переходить к совместному, уместному и своевременному действию Беларуси. Учреждению и обустройству её. Результатом должна стать программа возвращения страны и государства народу и обществу. Программа развития самой страны и полноценного участия беларусской нации в процессах мирового развития. Без новой философии такая программа не может быть осмысленной, со-временной и у-местной. А без такой программы решения и действия всех субъектов и любых акторов остаются суетой, или аналогом броуновского движения.

Т. Щ.: Спасибо за это интервью. Будем искренне рады продолжению сотрудничества.